

И.М. САВЕЛЬЕВА

Социальная история в XXI веке: диагностика исследовательского поля*

В статье анализируются содержание и направления трансформации социальной истории, которая в XX в., бесспорно, была магистральным и передовым направлением исторической науки. Именно социальная история, наряду с экономической, стала пионером этого обновления. Настоящее исследование, основанное на прочтении большого массива литературы по социальной истории, направлено на выявление новых тенденций в социальной истории XXI в., анализ ее современных теоретических оснований, идентификацию наиболее быстро и активно развивающихся областей, внутри- и междисциплинарных альянсов, центральных тем. В работе определяются новые предметные поля и объекты, прослеживается связанное с ними развитие понятийного аппарата субдисциплины, ее основных категорий.

Ключевые слова: социальная история, интеллектуальная гегемония, фрагментация истории, структуры и процессы, социология, марксизм, постмодернизм, социальные классы и группы, идентичность, социальная теория, исторический журнал, научное сообщество.

Историческая наука во второй половине XX в. пережила небывалый подъем и теоретическое/методологическое переоснащение, и локомотивом этого обновления стала социальная история. В последней трети XX в. социальная история инициировала появление целого спектра историй: детства, гендера, старости, повседневности, маргинальности и пр. Распавшись на множество самостоятельных направлений, сама субдисциплина оказалась в ситуации, которую ведущие ее представители характеризовали как кризис: "...славные дни социальной истории остались в прошлом" [Kaelbe 2003, с. 29].

Несмотря на разительные перемены, произошедшие в статусе и содержании социальной истории, анализ ее современного состояния остается практически незатронутой исследовательской проблемой. Конечно, в последние 10 лет выходили общие работы по историографии, посвященные современному состоянию исторической науки (см., например, [Iggers 1997; Cannadine 2002; Marwick 2001; Harlaftis 2010; White 2014] и др.), которые предлагают широкую панораму и хорошую систему ориентиров, однако в исторической литературе крайне мало заметных исследований именно о социальной истории [Петина 2009; Joyce 2010; Price 2010]. Уже довольно давно вышли работы М. Ферберна и С. Бергера [Fairburn 1999; Berger 2002] и автобиографический портрет социального историка, написанный Г. Перкином [Perkin 2002]¹. Интересный материал по избранной теме дала давняя дискуссия, инициированная статьей П. Джойса "Конец

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

¹ См. также [Kent 1996].

социальной истории” [Joyce 1995]² и более оптимистичным ответом на нее Д. Эли и К. Нилда ”Начать все сначала: настоящее, постмодерное и текущий момент социальной истории” [Eley, Nield 1995]. В 2000-е гг. в ведущих журналах по социальной истории изредка появлялись статьи на тему ‘state of art’, но они носили скорее характер манифестов [Stearns 2003; Kocka 2003, Kaelbe 2003] или lamentаций [Уваров 2015].

Наконец, в 2010 г. Джойс выступил с программной статьей “Что является социальным в социальной истории?” [Joyce 2010]. Статья очень интересна, она фиксирует новый контекст, в котором существует социальная история сегодня: конец доминирования культурной истории, новое понимание социального в социологических теориях, новые политические факторы. Интересный анализ исторических исследований социальных движений, недавно предложенный историческими социологами Б. Диллом и Р. Аминзаде [Dill, Aminzade 2010], затрагивает тридцатилетний период, но в поле зрения преимущественно попадают работы 1970–1990-х гг. В целом же по-прежнему гораздо чаще и увлеченно пишут о социальной истории 1960–1970-х гг. [Johnson 2011]. Это отметил в свое время П. Стирнз, сказавший, что если в последние десятилетия прошлого века температуру социальной истории измеряли слишком часто, то в наступившем веке о ней почти перестали говорить [Stearns 2003, p. 9].

Социальная история 1960-х гг., исследуя процессы, структуры, институты, группы, с опорой прежде всего на теоретический багаж социологии, отвечала на вопрос: как возможно общество. Отвечает ли она по-прежнему на этот вопрос, и если да, то каким образом добываются эти ответы? Как развивалась социальная история после утраты лидерства в историографии, в какой мере сохранила идентичность, насколько “социальна” она сегодня? В поисках ответов на эти вопросы я предлагаю анализ теоретических оснований социальной истории XXI в., идентификацию наиболее быстро и активно развивающихся областей, внутри- и междисциплинарных альянсов, центральных тем, а также намечаю разрывы и преемственность в эволюции социальной истории.

Статус социальной истории

Уходу социальной истории с авансцены исторической науки способствовали многие факторы. Возникновение в 1970-е гг. культурной истории (*cultural history*) и быстро завоеванная ею популярность, а затем культурный поворот, определяемый по-разному (как лингвистический поворот, культурализм, постмодернизм) с идеями релятивизма, “означивания” и деконструкции лишили социальную историю роли концептуального мейнстрима. Формальное отмежевание целого ряда направлений, стартовавших когда-то в рамках социальной истории, заметно сократило ее домен в академической историографии и во многом уравнило ее с ними. Ключевыми были и перемены в исследовательских подходах и установках самой социальной истории. К последним десятилетиям прошлого века относится разочарование в “больших теориях”, в частности в теории модернизации, и охлаждение к структурной истории, а именно на этих столпах социальная история во многом базировалась.

Идейно-политический контекст, характеризовавшийся окончательной маргинализацией марксизма (всегда влиятельного в социальной истории), и появление новых “субъектов истории” (женщин, маргиналов, субалтернов и т.д.), не менее важных, чем классы, также инициировали радикальные перемены в выборе тем и палитре интерпретаций. Произошедшие перемены повлекли падение интереса к массовым источникам, особенно статистическим, и заметное охлаждение к использованию математических методов и структурному анализу.

В целом после 1970-х гг. из лидера исторической науки социальная история превратилась в одно из многих направлений исторических исследований. Потеря гегемонии имеет явные признаки: появилось много новых влиятельных исторических

² См. также [Joyce 1997].

субдисциплин, на них сориентированы новые исторические журналы, в большом количестве возникшие после 1980-х гг., убывает интерес студентов к специализации по социальной истории, новые кафедры не создаются, а часто, наоборот, перепрофилируются, падают продажи книг по социальной истории. Социальные историки не столь заметны в области публичной истории, как историки памяти, повседневности, урбанистики или гендера [Kaelble 2003, p. 29].

Тем не менее изучение содержания журналов по социальной истории за последние 15 лет, равно как и материалов соответствующих ассоциаций, скорее свидетельствует не об абсолютном, а об относительном упадке этого направления. Лидеры социальной истории 1970-х гг. все это время сохраняли свои позиции в редколлегиях, в университетах, профессиональных ассоциациях, экспертных советах и пр. На протяжении десятилетий продолжали выходить журналы по социальной истории, основанные в 1960–1970-е гг., а некоторые и ранее – *Journal of Social History*, *Social History*, *Past and Present*, *History Workshop Journal*, *Journal of Social Research*, *International Review of Social History*, *Bulletin of the International Review of Social History*, *Labor History*, *Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*, *Annales. Histoire, Sciences Sociales* и др. Сами социальные историки по разным поводам отмечали, что издания по социальной истории определяют динамику развития исторической науки, а также их востребованность за пределами академического сообщества (см. <https://www.socialhistory.org.uk/post.php?s=2014-04-06-a-message-from-penny-summerfield>).

Сотни историков ежегодно посещают ведущий в данной сфере Международный конгресс европейских социальных историков (European Social Science History Conference ESSHC), регулярно организуемый Международным институтом социальной истории в Амстердаме (International Institute of Social History – IISH). Не снижает своей активности Британское общество социальной истории (The Social History Society UK), основанное в 1976 г. Проводятся ежегодные конференции Social Science History Association в США (<http://ssha.org/about-the-ssha>), встречи Франко-германского общества социальной истории (“Société française et allemande pour l’Histoire sociale”, “Französische und Deutsche Gesellschaft für Sozialgeschichte”), начало которым было положено в 1980-е гг. Представительные секции по социальной истории организуются в рамках ежегодного Международного конгресса исторических наук и на съездах национальных исторических ассоциаций. А в Восточной Европе проблематика социальной истории стала утверждаться в 1990-е гг. и теперь набирает обороты.

Во многом сохранность данной области исследований обеспечивается гибкостью социальных историков в освоении модных тем и теорий, их генетической склонностью к междисциплинарности и ориентацией на аудиторию за пределами академического сообщества. Так, когда тематика культурной истории с 1990-х гг. стала лидировать в историографии, многие социальные историки не остались в стороне от перемен и в большинстве своем не противопоставляли себя этому направлению. Например, Общество социальной истории в 2003 г., провозгласив отказ от оппозиции “социальное–культурное”, основало журнал *Cultural and Social History*. В качестве иллюстрации предрасположенности к синтезу можно привести список важнейших исследований П. Берка, который всегда находился на перекрестке культурной и социальной истории: “Popular Culture in Early Modern Europe” – “Народная культура в Европе раннего нового времени” (1978 г.); “Sociology and History” – “Социология и история” (1980); “History and Social Theory” – “История и социальная теория” (1991); “The Art of Conversation” – “Искусство разговора” (1993); “Varieties of cultural history” – “Разнообразие культурной истории” (1997); “A Social History of Knowledge” – “Социальная история знания” (2000); “Eyewitnessing” – “Визуальные свидетельства” (2000); “A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet” – “Социальная история медиа: от Гутенберга к Интернету” (2002); “What is Cultural History?” – “Что такое культурная история?” (2004); “Languages and Communities in Early Modern Europe” – “Языки и сообщества в Европе раннего Нового времени” (2004); “Cultural Hybridity” – “Тибриды культуры”

(2009); “A Social History of Knowledge: from the Encyclopedie to Wikipedia” – “Социальная история знания: от Энциклопедии к Википедии” (2012).

Открытость культурным исследованиям вела к расширению тематики социальной истории, что в свою очередь способствовало возникновению междисциплинарных альянсов с лингвистикой, философией, историей литературы. В то же время на протяжении всего интересующего нас периода происходила фрагментация предметного поля исторической науки, и этот процесс прямо затронул социальных историков. Так, один из самых продуктивных современных историков П. Стирнз, получивший известность в 1960-е гг. как социальный историк, с 1967 г. бессменный главный редактор ведущего в этой области *The Journal of Social History*, являющийся автором или составителем более 125 книг, уже давно определяет область своих интересов как всемирная история, социальная история, глобализация, история эмоций. Круг его работ полностью соответствует этой палитре.

Список читанных им курсов еще более красноречив. Это: история поведения; современное европейское общество; история семьи; гендер и всемирная история; здоровье и общество; история эмоций; история глобализации; история либерализма; история протеста; история среднего класса (семинар); история и социальные науки; права человека и всемирная история; международное образование; междисциплинарный культурный анализ; введение в прикладную историографию; введение в культурный анализ; мужчины в истории; современная европейская история; современная французская история; модернизация; социальные процессы модерна; мир и всемирная история; новейшая социальная история; секс и смерть; западная цивилизация; история рабочего класса; всемирная история; труд и досуг (<http://historyarthistory.gmu.edu/people/pstearn>). Если прочесть этот список снизу вверх, то можно проследить не только типичный путь конкретного социального историка, но и метаморфозы социальной истории.

Динамизм и чувствительность к переменам в дисциплинарном поле подтверждают разнообразием секций и докладов на ежегодных конференциях. Их участники представляют оригинальные исследования по широкому кругу тем, основанных на архивных данных, материалах устной истории и артефактах материальной культуры (см. <https://www.socialhistory.org.uk/post.php?s=2014-04-06-a-message-from-penny-summerfield>).

Авторитет социальной истории в немалой степени поддерживался великими историками поколения, заявившего о себе в 1960-х гг. (Х.У. Велер, Ю. Кокка, П. Стирнз, Р. Сэмюэл, Ч. Тилли, Э. Томпсон, Э. Хобсбаум, Д. Эли и др.) Они проявили одновременно и приверженность принципам научной социальной истории, и открытость новым веяниям. В последние годы происходила смена поколений, результаты которой скажутся в ближайшие годы. Пока же недавний уход из жизни великих Э. Томпсона, Э. Хобсбаума, Г. Перкина и др. спровоцировал дискуссии о преемственности в развитии социальной истории, о новых ракурсах и новых задачах. Например, в 2009–2010 гг. более десяти статей и несколько конференций были посвящены 40-летию юбилею и переосмыслению наследия книги Э. Хобсбаума и Ж. Руде “Капитан Свинг”, ставшей в свое время символом социальной истории³. Тем не менее зафиксированное нами сохранение былых институциональных позиций не означает сохранения интеллектуальной гегемонии социальной истории [Bauman 1992, p. 103–104]. Интеллектуальная гегемония, бесспорно, утрачена, и перспектива восстановления статуса не просматривается.

Новая “социальность” социальной истории

В данном исследовании меня прежде всего интересует диагностика исследовательского поля современной социальной истории, то есть когнитивный аспект. Анализ целесообразно начать с определений социальной истории, которые задают и предмет,

³ Эта книга, опубликованная в 1969 г., посвящена бунтам сельскохозяйственных рабочих в Англии в 1830–1831 гг., вызванным внедрением механических молотилок, лишивших их средств к существованию. Письма с угрозами были подписаны именем капитана Свинга.

и метод этого направления. Дефиниции социальной истории со времен М. Блока были предельно широкими. В одном варианте определения социальной истории ключевым понятием выступает “социальное” (*social*), в другом, более широком – “общество” (*society*). Второе значение особенно свойственно немецкой историографии, где социальная история (*Gesellschaftsgeschichte*) так и называется: “история всего общества с социальной точки зрения” [Kocka 1999, p. 276].

Собственно, в отношении предмета мало что изменилось, тематика социальных историков только расширилась. Просмотр литературы показывает еще более широкий тематический охват и колоссальную экспансию во времени и пространстве. Каких только сюжетов не обнаруживается, хотя надо признать, что многие темы в журналах по социальной истории с большим основанием могли появиться в журналах, специализированных на других субдисциплинах (культурная история, история гендера, женская история, история повседневности, постколониальная история и пр.). Таким образом, социальная история по-прежнему остается зонтичной, но под зонтиком нередко размещаются уже не просто разнообразные темы (предметы исследования), а отдельные субдисциплины со своими теоретическими подходами.

Напротив, в концептуальном плане социальная история существенно трансформировалась. Для социальной истории, формировавшейся в междисциплинарном контексте 1960–1970-х гг., главным резервуаром концепций и идей, безусловно, была социология: теории К. Маркса, М. Вебера, Ш. Эйзенштадта, И. Валлерстайна, П. Бурдьё, Т. Скокпол, Б. Мура и многих других. Передовые позиции в историографии 1960–1970-х гг. были завоеваны именно с опорой на социологические макротеории (социальной стратификации, модернизации, символической власти, конфликта, миросистемного анализа, структурного анализа). Главными категориями анализа были структуры, сословия, классы и массы, институты (нормы), интересы. Центральными феноменами – процессы, сопутствующие модернизации: индустриализация, движения протеста, революции, формирование массового общества.

Популярными методами изучения больших баз данных стали тогда типологизация, стратификация, квантификация, синхронный и диахронный сравнительный анализ. Эти методы как раз обеспечивали единство теории и метода и в этом смысле держали в “хорошей научной форме” экономическую и социальную историю. Как только спектр исторических субдисциплин, междисциплинарных союзов и релевантных теорий стал расширяться, ситуация изменилась.

Изучение широкого спектра исследований показывает, что за последние десятилетия утрачена тесная связь социальной истории с экономической. Статьи такого рода встречаются, но стали редкостью. Это до известной степени объясняется замкнутостью экономической истории, ее сохраняющейся ориентацией на экономическую теорию и математизацию. Отчасти путь, по которому пошли социальные историки (отказ от структурного подхода и макромоделей), предопределяет потерю интереса к экономике. Интересно, что даже такие экономические концепции, как *path dependence* и неонституционализм, на мой взгляд, крайне плодотворные для исторических исследований (что демонстрирует и современная историческая социология – Л. Гриффин, Э. Клеменс, Д. Хайду), не переключили внимания социальных историков на экономические сюжеты.

Сложнее всего охарактеризовать отношения социальной истории с социологией, отходом от которой чаще всего упрекают современных социальных историков сторонники “сциентистской” социальной истории. На самом деле ситуация сложнее. Произшедший отказ от структурного анализа как одного из базовых методов исследования и от теории модернизации в разных ее вариантах как объясняющего ресурса действительно привел к определенной де-социологизации социальной истории. Однако современную социальную историю правильнее, на мой взгляд, соотносить не с макросоциологией 1960–1970-х гг. и не с современной исторической социологией, а с современными социологическими подходами.

Например, в последние годы ученые, изучающие социальные движения, вели оживленную дискуссию о господствующих парадигмах и концепциях, на которых базируются релевантные исследования: мобилизация ресурсов, теория политического процесса, культурные и когнитивные теории, сконцентрированные на создании коллективных идентичностей и целеполагании. “Каждая традиция дала целый спектр концепций, инициировавших исследования и дебаты по проблемам мобилизации, профессионализации, *political opportunity structures*, репертуаров, циклов протеста, фрейминга, коллективной идентичности. Но сказались ли эти оживленные дискуссии о концептах и теориях на изучении социальных движений историками? – спрашивают Б. Дилл и Р. Аминзаде и отвечают: “За немногими исключениями... историки обращаются к генерализирующим концепциям лишь постольку, поскольку они помогают организовать и конструировать контекстные нарративы... Эти концепции не проблематизируются и не операционализируются, ссылки на теории, используемые в социологической литературе или другой аналитике социальных движений и коллективных действий, делаются редко, если вообще делаются” [Dill, Aminzade 2010, p. 271, 273].

Странным образом социальная история и историческая социология в последние два десятилетия пошли разными путями, историческая социология радикально историзировалась [Савельева 2012], а теоретические интересы социальной истории вышли далеко за пределы социологии⁴. Интересно, что если в последние годы социальная история развивается достаточно автономно от исторической социологии, то какая-то информация из теоретической социологии историками определенно используется. В социальной области глобальная история исследовала ряд важных проблем, связанных с самоидентификацией субъекта, определением его статуса (“субалтерн”), а также с понятиями “модерность”, “гибридность”, “метисизация”, “расизация”, “лиминальность”. Из социологии заимствовались и разрабатывались на историческом материале такие концепты, как структуры власти, социальные иерархии, идентичность, воображаемые сообщества. Последние повороты в социологии к *agency*, аффективности, социологии вещей, социальным практикам, хотя сами по себе и не имели исторического измерения [Joyce 2010, p. 7], транслировались в исторические исследования. Однако историки скорее переняли эти идеи через представителей культурного поворота, чем непосредственно из социологии, как это было в 1960–1970-е гг.

Влияние культурного поворота ослабевает в начале 2000-х гг.⁵, и следует более взвешенно оценивать его роль в последние годы. Поэтому утверждение о де-социологизации социальной истории сегодня кажется не очень убедительным. Да, произошла смена тем и объектов исследования, но ведь, например, микроистория настолько же социальна, насколько и макро-. Отказ от словаря понятий, связанного с классовыми теориями и теориями социального контроля, в пользу таких категорий, как идентичность, гендер, *agency*, *reciprocity*, *mediation*, *subaltern*, *participation*, *negotiation*, автоматически не означает сужения познавательного горизонта социальных аспектов прошлого. Дело не в том, что новые категории не социальные, а в том, что они были переинтерпретированы постмодернистами.

Конструирование социального прошлого

Социальная история всегда была социальна в смысле чувствительности к низам, не случайно один из ее основных маркеров “*history from below*”. Ее подъем происходил на волне событий 1968 г. и вполне отражал и персональные, и коллективные левые пристрастия социальных историков того периода. Когда социальная история утверж-

⁴ Впрочем, Э. Эббот убедительно показал, что и на предыдущем этапе в развитии этих двух направлений были скорее расхождения, чем сходства. В 1960–1970-е гг. историческая социология отказалась от квантификации и строила большие нарративы, а социальная и экономическая история осваивали квантификацию и микроисторию [Abbot 2001, p. 102–103].

⁵ Об этом, в частности, свидетельствовал характер обсуждения, инициированного редакцией *Journal of American History* в 2002 г., сборника Л. Хант и В. Боннел “По ту сторону культурного поворота”.

далась, она оперировала материалистическим представлением о социальной целостности и классовой структуре общества (классовой идентичности). Это представление было взорвано появлением истории женщин, постколониальной истории, истории сексуальности, истории меньшинств и др. Влияние этого фактора на состояние социальной истории очевидно лежит в поле глобальной и национальной политики.

В последние десятилетия прошлого века происходила самоидентификация новых социальных групп, в связи с чем вместо давно привычных “пролетариев всех стран” достойными изучения были признаны “социальные маргиналы всех стран”: женщины и гомосексуалисты, прокаженные и безумные, иноверцы и иммигранты. Определения “потерянные”, “забытые” применительно к социальным группам, слоям, народам и целым континентам замелькали в заглавиях программных исследований. В результате социальная история в последние десятилетия от истории классов повернулась к истории самых разных групп. Благодаря новому представлению о классах в социальной истории огромный скачок произошел в области истории мобильности и миграций [Dupaquier, Kessler 1992; Crossick, Haupt 1995; Angleraud 1998; Rosenthal 1999; Bourdieu, Postel-Vinay, Rosental, Suwa-Eisenmann 2000], истории профессий [Perkin 1989; Corfield 1995; Dezalay, Sugarman 1995; Torstendal 2015], социальной истории науки [Burke 2000; Burke 2012; Burke, Briggs 2002].

В то же время рабочая история, когда-то тянувшая за собой всю социальную историю, тоже продвинулась в направлении концептуальных инноваций [Kirk 2010; Price 2010; Navickas 2011]. В традиционной области рабочей истории мы видим гораздо более нюансированную историю множества классов. Вместо анализа дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простонародье, город/деревня) предлагается изучать социальные траектории, множественные идентичности, культурную специфику разных социальных групп⁶. Введение представления о мультиидентичности вместо устойчивой идентичности, на мой взгляд, оказалось безусловно позитивным.

Сегодня, когда более очевидным становится стремление найти свою специфику в изучении социальной истории, история рабочих показывает направление движения и предлагает конкретные концепции, проблемы и темы, к которым могут обратиться социальные историки [Navickas 2012]. Так, современные историки, изучающие эту проблематику, считают, что заслуженная репутация лидеров концептуального обновления и провокаторов дискуссий социальными историками утрачена, и историки рабочего движения, которые вышли за пределы национальных историй и обратились к проблеме транснационализма, могут стать агентами обновления [Price 2010].

Социальная история XXI в. действительно тесно связана с глобальной историей и часто выступает как ее подвид. Если в 1960–1970-е гг. социальные историки обращались к специфике национального развития, таким проблемам, как “*Sonderweg*” в Германии, “*perception français*” во Франции, “скандинавская модель” и пр. [Kaelble 2003, p. 32], то сейчас они двинулись к глобализму. Они активно изучают контакты и трансферы между нациями и цивилизациями и занимаются сравнительным анализом – *histoire croisée, entangled history* [Cohen, O'Connor 2004; Werner, Zimmermann 2006], предлагая варианты глобальной социальной истории. Только это не прежний сравнительный анализ как поиск “десяти отличий”, а исследование истории разнообразия и управления различиями. Задача таких исследований с социальной точки зрения состоит в том, чтобы определить причины и истоки специфичности, отвечая на вопросы: объясняется ли она локализацией, социальной конфигурацией, историческим моментом или особенностями адаптации к привнесенным влияниям [Charle 2003, p. 64].

Необычайное разнообразие исторического пространства характеризует сегодня содержание всех ведущих журналов по социальной истории. Из-за невозможности привести много примеров предлагаю вполне репрезентативное *Оглавление* одного из не-

⁶ Это хорошо понимали в XIX в., используя обычное во французском языке тех времен понятие “*les classes ouvrières*” (в английском – “*working classes*”), а не “*la classe ouvrière*” так же и “средние классы” (*les classes moyennes*) [McWilliam 2014, p. 154].

давних номеров *Journal of Social History* (июнь 2014, vol. 47, Iss. 4.) Это не спецвыпуск, но обращает на себя внимание географическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей (курсив мой. – И.С.): “Расовое неравенство в *Бразилии* и *США*, 1990–2010”; “Мобильность и современность в городских транспортных системах колониальной *Манилы* и *Сингапура*”; “Заложники малярии: рабы из *Африки* в вади *Аравийского полуострова*”; “Пленники капитализма. Морская торговля рабами в *США*, 1807–1850”; “Содружество *Виргинии* vs *Христианской Виргинии*: черные женщины Юга, преступление и наказание в *Виргинии* в прогрессивную эру; Заключенные пишут домой: функции их писем (*Британия*. – И.С.)”; “Старость и зависимость в *Индии* после обретения ею независимости: семьи мигрантов, рабочие и социальные эксперты”; “Роль чувств в формировании юношества в *Новой Зеландии*”; “Темная сторона дела: организация хаджа, панисламизм и голландская колониальная служба наблюдения в межвоенный период”; “Феномен транссексуальности: контр-история (*США*. – И.С.); Нельзя доверять никому, кроме государства: малоимущие рабочие в *Британии* теряют веру в волонтаризм в конце XIX в.” (<http://proxylibrary.hse.ru:2454/ehost/viewarticle?data=dGJyMPPp44rp2%2fdV0%2bnjisfk5Ie46bJRs6qwT7Ckw3Lu6O2Q96TхjN%2fk4nnw2r5LrautSq6nszizsK5NuKmzOL%2fdPlzw1%2byL39nyge3k53y7qa5PtKi0TLGnpITf5OVV4%2bSkfOCz34jmnPJ55bO%2fZqTX7FW3ra9LtKaxTKTc7Yrr1%2fJV5OvqhPLb9owA&hid=4101>). Впрочем, по приведенному *Оглавлению* легко судить не только о глобализме, но и о разнообразии тематики, и о хронологических рамках интересов социальных историков.

За последние 20 лет значительно расширился и временной охват социальной истории, изучение прошлого, не оставившего сколько-нибудь полных баз данных, тоже требовало менее строгих техник анализа. Даже в такой традиционной для социальной истории области, как массовые протестные действия, мы видим исследования широкого спектра действий (от мятежей до разного рода подрывных и нелегитимных акций) начиная с позднего Средневековья. Благодаря углублению в историю протеста мастиго Ч. Тилли, работавшего с большими базами количественных показателей протестных выступлений (*contentious gatherings*) с целью представить максимально точную картину действий бедняков и трудящихся классов [Tilly 1995], победил Д. Скотт, предложивший для изучения ранних форм социального протеста модель “зашифрованных форм сопротивления” (*hidden transcripts of resistance*) [Scott 1990], учитывающую целый веер действий (включая бездействие), которые раньше не попадали в поле зрения социального историка [Navickas 2011, p. 196]. Подавляющая часть современных исследований в этой области следует путем, проложенным Скоттом.

* * *

В целом анализ материалов позволяет признать, что в сфере социальной истории культурный и лингвистический повороты заметно потеснили социологию как главный источник объяснительных моделей. Изменения коснулись всего: междисциплинарных альянсов, теорий, методов, тематики и географии. Тем не менее социальных историков последних десятилетий от представителей многих новых исторических субдисциплин отличало то, что они все-таки не разделяли идею о возможности понять прошлое исключительно в контексте восприятия, опыта, дискурсов, практик и смыслов. Они по-прежнему настаивали, что к условиям и последствиям, структурам и процессам надо относиться серьезно. С наступлением нового века призывы вернуть этим категориям их место в историческом анализе звучали все настойчивее [Kocka 2003]. При этом сегодня социальные институты рассматриваются уже не как орудия формирования и дисциплинирования (по М. Фуко) или как каналы процесса цивилизации (по Н. Элиасу), а как места торга, маршруты трансфера и перекрестки контактов различных агентов [Charle 2003, p. 62–63].

Сегодня в поле социальной истории мы наблюдаем довольно хаотичное присутствие разного уровня проблем, теорий, концептов, инструментальных гипотез. Если судить по журналам по социальной истории, то они как будто игнорируют старое межэвение и вбирают в себя самые разные направления, которые на самом деле от социальной

истории отделились. Это может быть культурная история, визуальная история, экоистория, история письма и чтения, постколониальные исследования и т.д. Что не менее важно, резкое сокращение территории социального историка в историографическом поле компенсируется фактическим присутствием социальной тематики в других историографических “уделах”, когда-то в эту территорию входивших, – истории детства, старости, женщин, гендера, истории повседневности и т.д. Но при этом важно понимать, что специалисты в данных конкретных сферах социальными историками себя не считают.

Определение предмета дисциплины “социальная история” всегда было предельно широко. Но сегодня можно говорить и о размытости ее границ, что подтверждает давнее предупреждение Э. Хобсбаума о последствиях отказа от использования “охватывающих структур” в качестве объясняющей модели. Она по-прежнему похожа на “бесформенный контейнер, вмещающий все: от изменений в человеческой психике до символа и ритуала” [Hobsbawm 1980, p. 5].

Потери в строгости методов и целостности предмета в определенной мере компенсировались приобретениями. Под влиянием культурного и лингвистического поворота произошло усложнение картины прошлой социальной реальности: в предметном поле социального историка оказались хитросплетения событий прошлого взамен закономерностей, индивид вместо “социального типа” и уникальный микромир вместо “больших структур”. Это привело к радикальному перераспределению инструментов познания в пользу “нестрогих” методов и реабилитации воображения. В целом произошел поворот от сциентизма к гуманитаристике, в результате чего “мир наполнился смыслами”, но смыслы самой социальной истории серьезно видоизменились. Ее эволюция в условиях культурного и лингвистического поворота преодолела пределы, заданные сциентизацией социальной истории в духе 1960–1970-х гг. Одно из выразительных свидетельств “свободы от строгости” – микроистория, где за К. Леви, действительно обращавшимся к теориям микроанализа, пошли единицы, а к метафорике микроскопа обратились сотни, и именно их усилиями выросла, например, история повседневности. И разве мало замечательных открытий было сделано!

И здесь хочется сослаться на антипода К. Леви микроисторика К. Гинзбурга, который еще 25 лет назад точно сформулировал дилемму исторической науки: “Количественное и антропоцентрическое направление естественных наук со времен Галилея поставило гуманитарные науки перед нелегким выбором: либо принять статус слабой науки и добиться значительных результатов, либо принять научный статус, но довольствоваться результатами менее значительными” [Ginzburg 1989, p. 125].

Отсюда вытекает вопрос о соотношении социального и гуманитарного в современной социальной истории. По моему мнению, можно говорить о том, что сохранение гуманитарной составляющей исторической науки, теперь уже осознанное всеми, обеспечивает важные познавательные ресурсы и сохраняет суверенность исторической дисциплины, ее аксиоматическое ядро [Савельева 2015]. Однако, по мнению “твердых” представителей социальной истории, новые практики исследования угрожают отказом от масштабных поисков источников, трудоемкой работы с большими базами данных, утратой “набора отточенных аналитических инструментов”, систематического анализа [Fass 2003, p. 41].

Думаю, при оценке “социальности” социальной истории необходимо учитывать и изменения в междисциплинарном поле. Социология остается важным источником теоретических подходов и понятий, но, во-первых, за это время радикально изменилась сама социология, во-вторых, в поле зрения социальной истории попали многие другие социальные дисциплины. В отличие от социологии они менее сциентизированы, хотя и называют себя социальными (*communication, cultural studies, education, environment, human geography, linguistics, media* и др.). Данное исследование показывает, что отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма сопровождался не отходом от социологической составляющей, а освоением новых социологических подходов и концептуального аппарата, что радикально трансформировало социологический арсенал социальной истории. Да и снижение интереса к социоло-

гическому инструментарию в пользу теорий и метафор из других дисциплин (“насыщенное описание”, археология знания, дискурс-анализ, постколониальная критика) и очевидная внедренность постмодернистской версии социального конструктивизма не обязательно означают, что новый репертуар исторических интерпретаций социально-го обладает меньшим эвристическим потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Репина Л.П. (2009) “Новая историческая наука” и социальная история. М.: ЛКИ.
- Савельева И.М. (2012) “Исторический поворот” за границами истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, С. 36–54.
- Савельева И.М. (2015) Стала ли история социальной наукой: энергичные объятия “сциентизма” // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. С. 9–33.
- Уваров П.Ю. (2015) Между “ежами” и “лисами”. Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение.
- Abbott A. (2001) *Chaos of Disciplines*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Angleraud B. (1998) *Les Boulangers lyonnais au XIXe siècle*. Paris: Edition Christian.
- Bauman Z. (1992) *Intimidations of Postmodernity*. London: Routledge.
- Berger S. (ed.) (2002) *Labour and Social History in Great Britain: Historiographical Reviews and Agendas 1990 to the Present*, Special Issue of the *Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen*, Klartext Verlag.
- Bourdieu P., Postel-Vinay G., Rosental P.-A., Suwa-Eisenmann A. (2000) *Migrations et transmission inter-générationnelles dans la France du XIXe et du début du XXe siècle* // *Annales Histoire Sciences sociales*. Vol. 57 no. 4, pp. 749–789.
- Burke P. (2000) *A Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity Press.
- Burke P. (2012) *A Social History of Knowledge: from the Encyclopaedia to Wikipedia*. Cambridge: Polity Press.
- Burke P., Briggs A. (2002) *A Social History of the Media: from Gutenberg to the Internet*. Cambridge: Wiley.
- Cannadine D. (ed.) (2002) *What is History Today?* London: Palgrave Macmillan.
- Charle Ch. (2003) *Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal?* // *Journal of Social History*. Vol. 37, no. 1, pp. 57–68.
- Cohen D., O’Connor M. (eds.) (2004) *Comparison and History: Europe in Cross-national Perspective*. New York: Routledge.
- Corfield P.J. (1995) *Power and the Professions in Britain, 1700–1850*. London: Routledge.
- Crossick G., Haupt H.-G. (1995) *The Petite Bourgeoisie in Europe 1780–1914*. London: Routledge.
- Dezalay Y., Sugarman D. (1995) *Professional Competition and Professional Power*. Routledge.
- Dill B., Aminzade R. (2010) *Historians and the Study of Protest* // *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York–Dordrecht–Heidelberg–London: Springer, pp. 267–312.
- Dupaquier J., Kessler D. (dir.) (1992) *La société française au XIXème siècle*. Paris: Fayard.
- Eley G.A. (2005) *Crooked Line: from Cultural History to the History of Society*. Ann Arbor: Univ. of Michigan.
- Eley G., Nield K. (1995) *Starting over: the Present, the Postmodern and the Moment of Social History* // *Social History*. Vol. 20, no. 3, pp. 73–91.
- Fass P.S. (2003) *Cultural History/Social History: Some Reflections on a Continuing Dialogue* // *Journal of Social History*. Vol. 37, no. 1, pp. 38–46.
- Fairburn M. (1999) *Social History: Problems, Strategies and Methods*. New York: St. Martin’s Press.
- Ginzburg C. (1989) *Roots of an Evidential Paradigm* // *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Harlaftis G. (2010) *The New Ways of History: Developments in Historiography*. New York: Tauris Academic Studies.
- Hobsbawm E. (1980) *The Revival of Narrative: Some Comments* // *Past and Present*. Vol. 86, no. 1, pp. 3–8.
- Iggers G.G. (1997) *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan Univ. Press, Univ. Press of New England.
- Johnson P.E. (2011) *Reflections: Looking Back at Social History* // *Reviews in American History*. Vol. 39, no. 2, pp. 379–388.

- Joyce P. (1995) *The End of Social History // Social History*. Vol. 20, no. 1, pp. 73–92.
- Joyce P. (1997) *Refabricating Labour History, or from Labour History to the History of Labour // Labour History Review*. Vol. 62, no. 2, pp. 147–152.
- Joyce P. (2010) *What is the Social in Social History? // Past and Present*. Vol. 206, no. 1, pp. 213–248.
- Kaelble H. (2003) *Social History in Europe // Journal of Social History*. Vol. 37, no. 1, pp. 29–35.
- Kirk N. (2010) *Challenge, Crisis, and Renewal? Themes in the Labour History of Britain, 1960–2010 // Labour History Review*. Vol. 75, no. 2, pp. 162–180.
- Kent Ch. (1996) *Victorian Social History: post-Thompson, post-Foucault, Postmodern // Victorian Studies*. Vol. 40, no. 1, pp. 97–133.
- Kocka J. (1999) *Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany, 1800–1918*. New York: Berghahn Books, pp. 275–297.
- Kocka J. (2003) *Losses, Gains and Opportunities: Social History Today // Journal of Social History*. Vol. 37, no. 1, pp. 21–28.
- Marwick A. (2001) *The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language*. London: Palgrave.
- McWilliam R. (2014) *Back to the Future: E.P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // Social history*. Vol. 39, no. 2, pp. 149–159.
- Navickas K. (2012) *Protest History or the History of Protest? // History Workshop Journal*. Iss. 73, pp. 302–307.
- Navickas K. (2011) *What Happened to Class? New Histories of Labour and Collective Action in Britain // Social History*. Vol. 36, no. 2, pp. 192–204.
- Perkin H. (2002) *The Making of a Social Historian*. London: Athena Press.
- Perkin H. (1989) *The Rise of Professional Society, England Since 1880*. London–New York: Routledge.
- Price R. (2010) *Histories of Labour and Labour History // Labour History Review*. Vol. 75, iss. 3, pp. 263–270.
- Rosenthal P.-A. (1999) *Les Senders invisibles. Espace, familles et migrations dans la France du XIXe siècle*. Paris: Éditions de l'EHESS.
- Scott J. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven (CT): Yale Univ. Press.
- Stearns P.N. (2003) *Social History Present and Future // Journal of Social History*. Vol. 37, iss. 1, pp. 9–19.
- Tilly Ch. (1995) *Popular Contention in Great Britain, 1758–1834*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Torstendal R. (2015) *The Rise and Propagation of Historical Professionalism*. London: Routledge.
- Werner M., Zimmermann B. (2006) *Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory*. Vol. 45, February, pp. 30–50.
- White H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Northwestern Univ. Press.

Social History in the XXIst Century: Diagnosis of the Research Field

*I. SAVELIEVA**

***Savelieva Irina** – doktor of sciences (History), professor, National Research University “Higher School of Economics”, director of Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities. Address: 12, Petrovka st., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: isavelieva@hse.ru.

Abstract

The aims of this article are to identify new tendencies in social history that emerged in the 21st century, to analyze its current theoretical premises, and to identify the most rapidly and intensively developing fields of research, intra- and interdisciplinary alliances, and central themes. Furthermore, the study delineates emerging research fields and subject matters and traces the development of the

subdiscipline's conceptual framework and its main categories. Both cognitive and institutional aspects of social history's current condition are analyzed (the loss of leadership, the scholarly community lacking a 'midpoint' notwithstanding the numerous journals, associations, and old academic elite still persisting). The present changes assessment is based on a cover-to-cover reading of a large body of literature on social history, which makes it possible to proceed from surface judgments to more thorough knowledge of what is happening to this discipline today.

Keywords: Social history, intellectual hegemony, fragmentation of history, structures and processes, sociology, marxism, postmodernism, social classes and groups, identity, social theory, history journal, scientific society.

REFERENCES

- Abbott A. (2001) *Chaos of Disciplines*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Angleraud B. (1998) *Les Boulangers lyonnais au XIXe siècle*. Paris: Edition Christian.
- Bauman Z. (1992) *Intimidations of Postmodernity*. London: Routledge.
- Berger S. (ed.) (2002) *Labour and Social History in Great Britain: Historiographical Reviews and Agendas 1990 to the Present*, Special Issue of the *Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen*, Klartext Verlag.
- Bonnell V.E., Hunt L. (eds.) (1999) *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Bourdieu P., Postel-Vinay G., Rosental P.-A., Suwa-Eisenmann A. (2000) Migrations et transmission inter-générationnelles dans la France du XIXe et du début du XXe siècle. *Annales Histoire Sciences sociales*, vol. 57, no. 4, pp. 749–789.
- Burke P. (2000) *A Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity Press.
- Burke P. (2012) *A Social History of Knowledge: from the Encyclopaedia to Wikipedia*. Cambridge: Polity Press.
- Burke P., Briggs A. (2002) *A Social History of the Media: from Gutenberg to the Internet*. Cambridge: Wiley.
- Cannadine D. (ed.) (2002) *What is History Today?* London: Palgrave Macmillan.
- Charle Ch. (2003) Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? *Journal of Social History*, vol. 37, no. 1, pp. 57–68.
- Cohen D., O'Connor M. (eds.) (2004) *Comparison and History: Europe in Cross-national Perspective*. New York: Routledge.
- Corfield P.J. (1995) *Power and the Professions in Britain, 1700–1850*. London: Routledge.
- Crossick G., Haupt H.-G. *The Petite Bourgeoisie in Europe 1780–1914*. London: Routledge.
- Dezalay Y., Sugarman D. (1995) *Professional Competition and Professional Power*. Routledge.
- Dill B., Aminzade R. (2010) Historians and the Study of Protest. *Handbook of Social Movements Across Disciplines*. New York–Dordrecht–Heidelberg–London: Springer, pp. 267–312.
- Dupaquier J., Kessler D. (dir.) (1992) *La société française au XIXème siècle*. Paris: Fayard.
- Eley G.A. (2005) *Crooked Line: From Cultural History to the History of Society*. Ann Arbor: Univ. of Michigan.
- Eley G., Nield K. (1995) Starting over: the Present, the Postmodern and the Moment of Social History. *Social History*, vol. 20, no. 3, pp. 73–91.
- Fairburn M. (1999) *Social History: Problems, Strategies and Methods*. New York: St. Martin's Press.
- Fass P.S. (2003) Cultural History/Social History: Some Reflections on a Continuing Dialogue. *Journal of Social History*, vol. 37, no. 1, pp. 38–46.
- Ginzburg C. (1989) Roots of an Evidential Paradigm. *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Harlaftis G. (2010) *The New Ways of History: Developments in Historiography*. New York: Tauris Academic Studies.
- Hobsbawm E. (1980) The Revival of Narrative: Some Comments. *Past and Present*, vol. 86, no. 1, pp. 3–8.
- Iggers G.G. (1997) *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan Univ. Press, Univ. Press of New England.
- Johnson P.E. (2011) Reflections: Looking Back at Social History. *Reviews in American History*, vol. 39, no. 2, pp. 379–388.

- Joyce P. (1995) The End of Social History. *Social History*, vol. 20, no. 1, pp. 73–92.
- Joyce P. (1997) Refabricating Labour History, or from Labour History to the History of Labour. *Labour History Review*, vol. 62, no. 2, pp. 147–152.
- Joyce P. (2010) What is the Social in Social History? *Past and Present*, vol. 206, no. 1, pp. 213–248.
- Kaelble H. (2003) Social History in Europe. *Journal of Social History*, vol. 37, no. 1, pp. 29–35.
- Kent Ch. (1996) Victorian Social History: post-Thompson, post-Foucault, Postmodern. *Victorian Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 97–133.
- Kirk N. (2010) Challenge, Crisis, and Renewal? Themes in the Labour History of Britain, 1960–2010. *Labour History Review*, vol. 75, no. 2, pp. 162–180.
- Kocka J. (1999) *Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany, 1800–1918*. New York: Berghahn Books.
- Kocka J. (2003) Losses, Gains and Opportunities: Social History Today. *Journal of Social History*, vol. 37, no. 1, pp. 21–28.
- Marwick A. (2001) *The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language*. London: Palgrave.
- McWilliam R. (2014) Back to the Future: E.P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History. *Social History*, vol. 39, no. 2, pp. 149–159.
- Navickas K. (2012) Protest History or the History of Protest? *History Workshop Journal*, iss. 73, pp. 302–307.
- Navickas K. (2011) What Happened to Class? New Histories of Labour and Collective Action in Britain. *Social History*, vol. 36, no. 2, pp. 192–204.
- Perkin H. (2002) *The Making of a Social Historian*. London: Athena Press.
- Perkin H. (1989) *The Rise of Professional Society, England Since 1880*. London–New York: Routledge.
- Price R. (2010) Histories of Labour and Labour History. *Labour History Review*, vol. 75, iss. 3, pp. 263–270.
- Repina L.P. (2009) “Novaya istoricheskaya nauka” i sotsial’naya istoriya [“The New Historical Science” and Social History]. Moscow: LKI.
- Rosenthal P.-A. (1999) *Les Senders invisibles. Espace, familles et migrations dans la France du XIXe siècle Paris*. Paris: Éditions de l’EHESS.
- Savelieva I.M. (2012) “Istoricheskiy povorot” za granitsami istorii [“Historical Turn” beyond the boundaries of history] *Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical knowledge and historiographical situation at the turn of twentieth century, and XXI]. Moscow: IVI RAN, pp. 36–54.
- Savelieva I.M. (2015) Stala li istoriya sotsial’noy naukoy: energichnye ob’yatiya ‘stsiyentizma’ [Did History Become Social Science: Energetic Embrace of “Scientism”]. *Dialog so vremenem. Al’manakh intellektual’noy istorii.* iss. 50, pp. 9–33.
- Scott J. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven (CT): Yale Univ. Press.
- Stearns P.N. (2003) Social History Present and Future. *Journal of Social History*, vol. 37, iss. 1, pp. 9–19.
- Tilly Ch. (1995) *Popular Contention in Great Britain, 1758–1834*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Uvarov P.Y. (2015) *Mezhdru “yezhami” i “lisami”*. *Zametki ob istorikakh* [Between the “Hedgehogs” and “Foxes”. Notes about historians]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Werner M., Zimmermann B. (2006) Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity. *History and Theory*, vol. 45, pp. 30–50.
- White H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Northwestern Univ. Press.